

Гашиш помог Кокаину прилечь на подушку. Когда в больнице попросили связаться с опекуном, Гашиш первым пришёл на ум. Как ни стремился сбежать, его ждали только в одном месте. Кто-то из прибывших на место инцидента в Нангоктоне отвёз Кокаина в больницу.

Ненадолго приходя в себя Кокаин видел лежащего без сознания человека в той же палате. Ему показалось, это был Се Джун.

Десять лет назад босс и его управляющий Им Су, находясь рядом с Кокаином, выжили. Неужели его крик ослабил силу Ябы? Только этим он мог объяснить, почему выжил и Се Джун.

Да, он верил в Кокаина, и не отступал до самого конца. Это удручало. Но всё же, Се Джун пошёл за братом даже сквозь весь хаос. Он твердил, что тому надо помириться с Кокаином.

Через несколько дней, когда Кокаин снова очнулся, его уже не было. Лечащий врач сказал, что Кокаин больше не сможет слышать.

Он вернулся в общежитие, оставшись лишь оболочкой самого себя. Не улыбался, не плакал. Даже не пел. Только глаза открыты, да и то – будто стеклянные.

Гашиш написал в блокноте:

[Говорят, к вечеру пойдёт снег. Прогуляемся?]

Последствия того дня были тяжёлыми. Помимо потери слуха, Кокаин получил травму мозга из-за чего конечности сводило судорогами, они немели, иногда полностью отнимались. Говорили, что Яба лежал в той же больнице, но они так ни разу и не встретились. В отличие от Кокаина, который не захотел, Яба просто не мог.

[Иди к себе]

Тепло покидало его тело. Мир звуков для него закрылся. Губы дрожали.

[Мой голос пропал]

Гашиш помрачнел. Он снова нацарапал в блокноте:

[Ты не слышишь свой голос из-за травмы. Но он такой же красивый, как прежде. Потерпи, мы думаем, как тебе помочь]

Не слышать голос? Тогда зачем петь, если нельзя понять, верно ли он звучит. И никак не убедиться в правильной интонации. Без полной уверенности петь невозможно. Тогда как жить?

Всё равно, что не дышать. Как будто умер, но ещё ходишь. Это приговор. Кокаин отшвырнул блокнот.

«Мой голос...Мой голос...»

Он закричал, хватаясь за своё горло. Но не услышал ничего, будто воздух застрял в груди. Где-то вдалеке звучала музыка, прекрасная, но обманчивая: сквозь неё просвечивалась песня, отравляющая сознание как яд аконита. Кокаин зажал ладонями уши и съёжился на кровати, безумно стреляя глазами по сторонам в поисках источника звука.

- Кто поёт?! Прекратите! Я сойду с ума!

Гул проникал в самую душу, пробуждая страх. Чудовище из глубин, набив нутро костями жертв, манило всё ещё голодным голосом. Оно пело. Хотело заполучить Кокаина. Его мог спасти только побег. Звук рассредотачивался по комнате, множился в углах, бросался эхом. Именно из-за этого Кокаин не слышал ничего другого. Нужно было разорвать этот плотный звуковой поток.

Выдернув ручку из рук Гашиша, он попытался всадить её себе в ухо. Щека вспыхнула от боли, ручку отбросили. Гашиш схватил его. Он что-то кричал с глазами полными тревоги. В коридоре стояли другие певцы, они скорбно смотрели на Кокаина в дверной проём. Хотя про себя наверняка они смеются. Долго ждали? И вот он - голос поверженного бога, жалкий и испорченный. Тело Кокаина онемело и он повалился на пол.

В ту ночь, направить пистолет было последним отчаянным шагом. Он верил, что если Ча И Сок освободится от влияния Ябы, то обязательно к нему вернётся. Но Кокаин увидел не просто больного в последней стадии зависимости. Ча И Сок стал совсем другим - тем, кто отдал себя всецело одному-единственному человеку. Всё это время Кокаин тянулся к нему, ничего не понимая.

Да, это была расплата за жгучую зависть, которая метастазами проросла во всё его существо.

- А-а-а-а!..

Он хватал, что попало и швырял, боролся и царапался. Когда, в очередной раз он дёрнулся за предметом, восприятие пространства подвело его и он стал хватать воздух. Руки бессмысленно металис, ничего не находя. Лишившись сил он упал на пол. И он сам и Гашиш были в ссадинах и синяках. По лицу Кокаина струились слёзы.

Гашиш поправил одежду Кокаина и уложил на кровать. Говорят, когда его привезли в больницу, даже находясь без сознания, он крепко сжимал что-то в руке. Это было окровавленное кольцо-пульт. Иногда, его вдруг начинало судорожно трясти, когда вспоминал нечто ужасное. Гашиш аккуратно протёр его худые руки влажным полотенцем. Даже свежие царапины не могли испортить его красоту. Кокаин, который не любил такие физические

контакты, теперь безропотно доверил ему своё тело. Гашиш и этому был рад.

В коридоре певцы напряжённо перещёптывались. Морфин всхлипнул, сдерживая слёзы.

— Бедный Кокаин... Что с ним теперь ...

- Что же случилось в тот день? - задумчиво сказал Мет. - Столько трупов, а в новостях - ни строчки. Тех ребят, что были с Рубакой, собирали по татуировкам, и ни одного целого лица. Разве похоже на бандитские разборки?

- Нам-то что? Главное, босс получил своё. - заскрипел зубами Морфин - Пусть сгниёт. Жаль, не догадались сперва член ему отрезать.

- Однако, Им Су и его шайка загремели под суд поразительно быстро. Кто-то сверху очень постарался. Стоит в ноги ему поклониться.

Морфин поник.

- Псих охренел бы от радости, будь он живой. Ну и судьба: один сгорел, другой - хуже покойника. Ну как так-то?

- Псих ненавидел Кокаина, но они всё равно жили вместе, - произнёс Мет. - Удивительно...

- На то есть причины, - оборвал его Морфин.

Героин и Мет округлили глаза.

- Сколько раз Гашиш упрашивал Кокаина поселиться с ним? - понизил голос Морфин. - Однажды я услышал как они шептались. Кокаин сказал Гашишу, что у Психа есть секрет, о котором босс не должен узнать. И только находясь рядом, он мог отвлечь его внимание.

- Какой секрет мог быть у Психа?

- Больше он ничего не сказал.

Морфин посмотрел на дверь в комнату Кокаина покрасневшими глазами. От божества остался только скелет в коже. Потеря слуха - не самое страшное: разум разрушился безвозвратно.

- Знаете... я думал, что если мы освободимся, то соберём группу и запишем альбом... Кокаин был бы идеальным фронтменом. Стали бы легендами... А теперь он обречён? Ему самому никто не может помочь.

Он смахнул слёзу и горько вздохнул:

- А этот сука босс... Хоть бы нового целителя нашёл перед тем, как сдохнуть.

* * *

В эфире крутили видеоролики с Ча Мён Хваном. Вот он в костюме Санты раздаёт подарки детям. Визиты президента «Тэ Рён Групп» в детский дом были традицией. Но даже когда малыши с цветами подходили к Мён Хвану, в его глазах не появлялось ни капли тепла.

- Показуха, - фыркнул Сон Джэ и нажал красную кнопку на пульте.

Экран погас, оставив всех участников «Брэйнс» в мрачной тишине. После исчезновения их лидера председатель взял под контроль информационное пространство и всего за месяц увеличил процент акций на своей стороне. Но хуже всего то, что контакты, с которыми выстраивали отношения в течение длительного времени, один за другим переходили в лагерь председателя Ча. Поражение на предстоящем собрании акционеров было очевидно без всяких прогнозов.

- Мне пойдёт костюм Санты?

Все взгляды обратились туда, откуда прозвучал голос. Начальник, которого они почти похоронили, сидел в конце дивана с лицом, теряющим черты, как нагретая восковая маска. Никто даже не попытался улыбнуться. Ча И Сок втянул дым из сигаретного фильтра и щёлкнул языком.

- Расправьте лица. Тут так принято: союзник утром - враг к вечеру. У нас есть черновик, теперь решим, как его доработать.

Хан Сон Джэ оставался серьёзным.

- И ты так легко об это говоришь? - произнёс он.

- Легко? - он расстегнул воротник рубашки. - Когда понимаешь, что гореть уже нечему, и правда становится легко.

В этот момент стаканы на столе звякнули от вибрации телефона. На дисплее мигало имя Мён Хвана.

Снова.

После инцидента в Нангоктоне Ча И Сок лежал в коме несколько дней. Когда его выписали из больницы, он закрылся дома и не появлялся на работе. Всё это время Мён Хван донимал его звонками.

Говорят, в ту ночь Ча Мён Хван отсиделся в укрытии, а когда опасность миновала, прикатил на пустырь и забрал выживших в больницу. Первый проблеск сознания Ча И Сока старший брат встретил истеричными воплями о «чуде», словно торговец на религиозной ярмарке.

Ча И Сок поднялся. От малейшего движения шрамы и рубцы, стягивающие его тело, давали о себе знать.

- Побрейтесь, посидите в сауне наконец. Рожи как у бомжей, почему я должен на них смотреть?

Он положил на стол флэш-накопитель.

- Здесь вся подноготная по уклонениям от налогов. Господа привыкли носить золото, но им пора надеть браслеты из нержавеющей стали.

Он покинул место встреч.

В СМИ какое-то время всплывали подробности случая в Нангоктоне, но затем все публикации стали блокироваться и само событие списали на разборки местных банд в связи с перестройкой района.

Больничные недели Ча И Сока позволили председателю Ча взять контроль над ситуацией. И хотя И Сок прекрасно видел, как почва уходит из-под ног, он не сопротивлялся, потому что в тот момент даже отступление было стратегией.

* * *

Шагнув из лифта, он прошёл по коридору. Приложил палец к сканеру замка, входная дверь громыхнула и открылась. В коридоре его никто не встретил.

Взгляд скользнул в полуоткрытую дверь. В противоположной части комнаты, у окна, залитого малиновым закатом, кольцом свернулся бирманский альбинос. Его голова покачивалась вместе с бедром на котором лежала. Хрупкое существо в огромных наушниках ритмично кивало головой. Под последними лучами тонкий пушок на щеках светился как золотая пыль. Мешковатая одежда была его фетишем. Худой силуэт в просторной рубашке - образ, балансирующий между невинностью и развратом, вызывал непреодолимое желание подглядывать. Ча И Сок зашагал к нему не отводя глаз. Животное подняло голову и зашипело. Похоже, наушники были на полной громкости - даже когда Ча И Сок вплотную приблизился сзади, то остался незамеченным. Губы прикипили к дрогнувшей шее. Язык совершил медленное

путешествие до подбородка. Юноша повернулся. Несмотря на холодное выражение лица, его шея покраснела. Вглядываясь в серо-коричневые разводы на радужке, Ча И Сок терял способность мыслить.

Яба спал 21 день и 14 часов тихо и глубоко, словно эмбрион, свернувшийся в утробе, где время измеряется только делением клеток, а сознание ещё не проросло. Когда Ча И Сок снова смог прижать его к себе, то подумал: «Вот, что действительно важно. Какая к чёрту Тэ Рён Групп».

Ча И Сок, обнимая сзади, снял с него наушники.

- Ты так беспечен - даже грабителя не заметишь. Неудивительно, что некоторые уже всю используют тебя, как диван.

Ча И Сок хлопнул питона по голове тыльной стороной ладони. Его руку покрывали змеиные укусы. Суни поднял голову в боевой стойке. Только в этот момент Яба его заметил. Похоже тот снова сбежал, после того как Ча И Сок его запер в комнате.

- Я добр до глупости,- задумчиво пробормотал Ча И Сок, наблюдая за питоном.

В первый день после выписки, Ча И Сок по странной прихоти позволил змею переночевать с ними в комнате. Само собой, к постели его и близко не подпустил, сказав себе, что это в первый и последний раз.

В сонном состоянии, когда руки обретают независимость, Яба обнял Суни, приняв за подушку, а этот наглец, лишь самодовольно пошевелил чешуйками: «Ну наконец-то!»

На попытку Ча И Сока выселить Суни с насиженного места, тот ответил удушающим захватом.

Ночная ошибка Ча И Сока дорого обошлась обоим. Полчаса они мерялись силой, а в итоге: на теле И Сока синим цветом расцвели гематомы, а у Суни оказался сломанным 294 позвонок. Их дружба дала трещину в прямом и переносном смысле. Теперь эти друзья засыпали, явно гадая, кто кого переживёт.

После инцидента в Нангоктоне прошёл месяц.

Когда Яба очнулся после долгого забытия, перед ним сидел Ча И Сок.

«Как спалось?» - спросил он, и Яба заплакал так горько, как никогда в жизни.

Когда он услышал объяснение того, как Ча И Сок оказался живым, то не поверил своим ушам. То, что мёртвое тело после его песни снова стало жить, казалось нелепым. Этот факт ощущался скорее как сновидение, и Яба засомневался в реальности: «Кто же из них сейчас

действительно жив?»

По правде говоря, с того момента, как Кокаин нажал на курок в памяти образовался странный провал. Как будто фрагмент вырезали из сознания. Остался лишь яркий образ смерти Ча И Сока и отчаяние.

Ча И Сок сказал ему, что умный мозг всё ненужное складывает в такие места, куда его хозяину не дотянуться. Но иногда сквозь сон прорывались кровавые сцены. И на утро он оставался лишь с жуткими разрозненными кадрами в голове.

Ча И Сок принёс из гардероба бежевое пальто и накинул его на плечи Ябы.

- Пойдём?

Яба вскочил и раскрыл рот, озираясь по сторонам. Ча И Сок быстро зашагал обратно в комнату и вышел с сумкой через плечо. Принёс стакан с водой и положил Ябе в рот таблетку.

- А... а... - из горла вырвался странный звук.

Ча И Сок, подняв с пола красный телефон и стилус, протянул их Ябе. Тот написал на экране:

[В этот раз иди на приём без меня]

С тех пор как Яба лишился голоса, он стал всегда носить телефон и электронное перо. Это началось сразу после пробуждения. Ча И Сок посмотрел на экран.

- Почему?

[Просто. Сегодня так]

Ча И Сок задержал на нём взгляд. Молча, он ловко натянул рукав на вторую руку.

Отсутствие голоса Ябы между ними не было преградой. Да и раньше Яба не отличался болтливостью. Теперь обрёл идеального собеседника - того, кто слышал его молчание громче любых фраз. Ча И Сок улавливал любую мысль и, будто заранее зная, где она свернёт, обходил острые углы.

Возможно, за те долгие дни, пока Яба лежал в беспомощности, Ча И Сок отточил навык считывать малейшие изменения: частоту дыхания, пульс, едва заметные пальцев...

Голос не пропал полностью. Напрягая связки, Яба всё же мог выдавить подобие стоны, но

каждый раз испытывал страшную боль. Врачи разводили руками: ни опухоли, ни узлов на связках – ничего, что могло бы объяснить это с точки зрения медицины.

Они обошли десятки клиник и перепробовали все возможные способы вернуть голос.

Только этим утром Яба понял. Проклятие на него наложила Сирена. Та, что не смогла околдовать моряка и покончила с собой, оставив лишь обиду и ненависть. Если Ча И Сока с того света вернуло пение Ябы, то голос забрали взамен. И чтобы снова заговорить, следовало отдать обратно украденное у смерти. Но, нет. Ради Ча И Сока он охотно выберет вечную немому.

Лечение продолжалось - Ча И Сок исправно посещал все необходимые процедуры для восстановления после травм. Возвращаясь из медицинского центра, он купил уйму книг.

Они обосновались почти на прежнем месте: на деле поменяли этаж, заняв апартаменты «Брэйнс». Директор Ча хотел уехать подальше, где их никто не отыщет, но Яба панически боялся новых мест. В конце концов сошлись на том, чтобы найти квартиру с привычной планировкой.

Недавно он начал оформление удостоверения резидента, аннулированное много лет назад. Документы должны быть готовы через неделю. Поскольку жить с этим документом предстояло ещё долго, Ябе хотелось сделать его уже после того, как он похудеет. Однако, решил не торопиться – времени у него было в избытке.

Но тут возникла другая неприятность: при оформлении открылась правда о его образовании. Когда Ябу похитили, он так и остался недоучкой на уровне начальной школы.

Ча И Сок предложил ему сдать экзамены на аттестат о среднем образовании, и сказал, что сам займётся подготовкой Ябы. Он встал рядом, облокотившись о стол.

- Ну что, ученик... - Ча И Сок положил перед Ябой учебник. - Начнём с двух страниц. За ошибки будешь получать по ладоням.

Яба сверкнул глазами и схватил стилус:

[Ошибки - вина плохого учителя, ему и надо устроить порку]

Ча И Сок поднял бровь.

- Это будет уже не наказание.

Взглядом, нарушающим личные границы, он окинул Ябу, и задумчиво потёр подбородок:

- Согласен. Ладони – это для начинающих. Можешь выбрать альтернативную зону.

Когда диалог между выпускником МВА и недоучкой не выдаёт разницы в образовании, то с одним из них явно что-то не так. Ча И Сок нагрузил Ябу заданиями и ушёл.

Под строгим синим оком цифровых часов Яба шуршал страницами учебников. Настойчивая вибрация телефона мешала сосредоточиться. Взглянув на мигающий дисплей, он удивился и принял звонок. Яба вздохнул и поднёс телефон к уху. Голос в трубке прозвучал так громко, словно его владелец уже находился в комнате.

- Попался! Сменил номер, адрес, и думал отделаешься от меня? Я везде тебя найду!

«Как же ты надоел».

Пока Яба был прикован к больничной кровати, Ча Мён Хван навещал его в палату чаще, чем процедурные сёстры. После выписки Яба сменил номер телефона, но Мён Хван быстро его раздобыл и замучил звонками. А потом и вовсе явился к нему домой с громким скандалом. Не смотря на их переезд и меры предосторожности, он всё равно их нашёл. Такого упорного человека, как Мён Хван, будет непросто вышвырнуть с должности. Ча И Соку придётся попотеть.

Громкое дыхание ворвалось в ухо.

- Молчишь? Значит, ты точно Жулик. Голос до сих пор не вернулся? Отправь мне сообщение.

«Ну и зануда».

Яба отправил сообщение на звонивший номер:

[В костюме Санты ты смутил бы даже оленей]

Через мгновени Ча Мён Хван недовольно проворчал:

- Что за писанина?.. Я не стал бы рядиться, если бы не приказ почётного председателя... Ай, ладно. Исполнительный директор Ча увёз тебя без моего ведома. Вы оба неблагодарные. А ведь я вас спасал тогда!..

[Позвонил в экстренную службу и сразу герой?]

- Да, хватит уже! Надо встретиться! У меня к тебе вопросы об увиденном в ту ночь.

[Ты видел чудо - сам же сказал]

- Если бы только это!

Сердце Ябы ёкнуло. Помедлив, он написал:

[Что ещё?]

- Директор Ча не рассказывал? В ту ночь я забрал из Нангоктона выжившего бандита. Он несёт ахинею, но очень подробную. Парень описал всё, что видел.

Ча И Сок сообщил, что Ги Ха погиб, Кокаин выписался из больницы, Се Джуна среди выживших нет, и что других деталей не знает. Оказывается, Мён Хван осведомлён лучше.

- Ну как, заинтригован? Ещё бы! - распинался Мён Хван. - Ладно, расскажу всё при встрече.

При этом было слышно, как он нервно сглотнул, что не вязалось с его хвастливым тоном.

Ни на ТВ, ни в интернете не освещали происшествие в Нангоктоне. И зачем Ча И Сок оставил ему такое непосильное количество заданий? Его слабый мозг не справлялся. Он упорно не хотел вспоминать ту ночь. Что видел тот человек? Яба ощутил как по спине пробежала дрожь.

[Мне плевать. Не трать моё время]

- Не смей бросать трубку!.. Покажись наконец!..

Яба отключил телефон. Его руки похолодели. Он покусывал кончик ручки и пытался успокоить тревожное сердце.

Жив ли Чжан Се Джун?

Как умер Ги Ха?

Что случилось с Кокаином?

Мысль об их судьбах не давала ему покоя. Не лучше ли не знать? Яба обхватил голову. Он слишком много думал. Забытое - значит запретное, решил Яба. И закрыл этот вопрос на ключ, который спрятал в свой пустой мешочек.

Яба словно на секунду отключился. А может, глубокий сон показался мгновением. Из тьмы,

похожей на смерть, доносилась песня. Это происходило под водой.

«А-а-а... А-а...»

Кто-то сидел на камне. Безумие в его глазах пожирало человека, которого он прижимал к груди. Изрезанная кожа, разорванное сердце – идеальное тело превратилось в кошмар. Сгорбленная фигура завывала от горя, но со временем этот голос обрёл глубину и ритм, выливаясь в утробный напев. Он был одновременно и чужой и знакомый. Охваченные звуками люди с обрубками конечностей дёргались в жутком танце, а в воздухе летали осколки костей и ключья внутренностей. Несмотря на стоны и животный смрад вокруг, в этом месте царило странное запустение. А сидящий на камне, с наслаждением расширяя ноздри, вдыхал страдания и слизывал с губ брызги крови. Склонившись, он жадно обсасывал раны и обнажённую кость. Красные губы хищно улыбнулись.

Яба резко сел. Его так трясло, что заныли рёбра. Пропитавшись потом, рубашка прилипла к коже. В спальне находился только он. По коже пополз озноб.

- И...

Он не смог произнести имя до конца, зная, что это принесёт сильную боль. Яба направился в гостинную. Всё погрузилось в темноту. Выключатель куда-то исчез, а сами стены шевелились, наполняя пространство тошнотворным теплом, словно складки гиганского желудка. Из глубины раздавался равномерный пульс. Ощупывая скользкую поверхность, он пробирался вперёд. На его ладонях налипла слизь.

Зацепившись за что-то он споткнулся. Перед ним лежало детское тельце с пуповиной затянутой вокруг шеи. Он находился в гниющей утробе. Яба поднялся и снова падал, царапал и бил стены, в которых вязли кулаки. Он карабкался дальше и дальше, стремясь найти свет. Скользнув в поворот, он увидел тёмный коридор. Мороз пробежал по спине, но ноги несли его вперёд, в самую гущу мрака.

Он открыл первую дверь. Потом вторую. Третью. Но там его не оказалось. Не было даже вещей Ча И Сока, словно его никогда не существовало. Наверное, все эти двери вели в прошлое и, открыв одну из них, Яба окажется в том дне, когда прижимал к себе уже остывшее тело.

Бах. Бах.

Послышались выстрелы. От неожиданности Яба издал хриплый стон. И в тот же миг Сирена стала раздирать его горло когтями.

С разорванным сердцем нет шансов выжить. Простой быт, когда он ждал свои документы и возился с домашними заданиями, оказался ненастоящим. Отчаяние того дня породило иллюзию. В конце коридора показалась последняя дверь. Если за ней будет пропасть Яба прыгнет без сомнений.

Распахнув дверь, Яба ощутил тепло и горький запах. Расплывчатые очертания становились чётче. В углу комнаты горел свет.

Ча И Сок молча наблюдал за внезапным визитёром. Едва слышно шуршал кулер ноутбука, колыхая лежащие рядом бумаги. В пепельнице высилась горка окурков.

Он резко вскочил, опрокинув чашку с кофе на документы. Быстрый как ветер он оказался рядом и подхватил Ябу, который споткнулся и едва не упал. На лице застыло напряжённое выражение.

- Что случилось?

Ябу накрыл страх. Он прижал ладонь к щеке Ча И Сока и погладил её. Проверая, в самом ли деле он живой, провёл по переносице кончиками пальцев. В них проникало тепло тела. Губы Ча и Сока не шевелились. Его лицо выглядело действительно живым. Ча И Сок вытер слёзы с лица перед собой. Яба хватал ртом воздух, словно его душили.

- Снова кошмар?..

Похоже, Яба не первый раз ходит во сне. Теперь стало понятно, что означают тяжёлые взгляды Ча И Сока, которые он так часто ловил на себе. В волосах Ябы зарылись длинные мужские пальцы. То ли от них исходила дрожь, то ли дрожал сам Яба. Телефон со стилусом остался в спальне. Его рот беззвучно открывался:

«Почему работаешь ночью?»

- Ты попросил, - ответил директор Ча, - чтобы я весь день проводил с тобой, не сводил с тебя глаз и разговаривал. Вот только близко не подпускал.

«Нет, я не мог...»

- Ещё как мог. Дрожал, смотрел на меня прямо как сейчас и шептал...

«Нет».

- И каким образом по-твоему я увижу кого-то кроме тебя?

Ча И Сок без раздумий отдал за Ябу своё сердце. С такой же легкостью Яба расстанется со своим голосом. Даже если вернуться в тот день, выбор будет прежним. Яба не знал, сколько ещё продлится удивительная иллюзия. Даже если завтра окажется, что эти красивые глаза давно гниют в могиле, Яба выдержит. За свой выбор он почти полюбил себя.

Невидимые ранее учебник и кружка остались на прежнем месте. Наверное, Яба уснул за столом, и в полудрёме добрался до кровати. Или же его перенесли чьи-то заболтливые руки. Впрочем, это не имело значения. Яба взял в одну руку подушку в, а в другую – учебник. Положив подушку рядом со столом и подмяв её под себя, Яба растянулся на животе.

Над раскрытыми страницами книги возникло лицо. Его чёткие черты проступали на периферии зрения, а неугомонные чёрные зрачки мешали сосредоточиться. В углу страницы Яба написал:

[Я буду здесь, заканчивай работу]

- Занимайся учёбой. А я займусь тобой. – произнес Ча И Сок, и на его лице появилась косая улыбка, опьяняющая, как глоток домашнего вина. Он притянул Ябу за голову и слегка укусил за переносицу.

Сердца бились в унисон, удар в его груди отзывался ответным толчком. Яба просто дышал, запоминая эти мгновения.

- М-м-м...

Странный металлический звук родился в горле Ябы, Ча И Сок отреагировал ещё более нетерпеливыми движениями. Ночь показывала то, что днём было спрятано: широкий рубец на шее, в паху – следы от лезвий секатора, чудом не задевшего половые органы. Всё это оставил Се Джун, поэтому в постели с И Соком Яба неизменно вспоминал брата. Однако тут же забывался, отвлекаясь на идеальные контуры тела. Никакой выдержки не хватило бы, чтобы сохранять ясность мысли перед возбуждённым лицом Ча И Сока, который был полностью поглощён процессом. Яба прикусил губы, не позволяя себе застонать. Руки упирающиеся в грудь, пытались оттолкнуть, но беспомощно скользили по вспотевшей коже. Хриплый голос умолял:

- Ещё один раз... последний.

Он говорил это в четвёртый раз. За два месяца, что Яба молчал, набегив варвара стали реже. Но теперь по ночам сам Ча И Сок мало от него отличался. Их сперма смешиваясь, размазалась между телами, кожа к коже. Сегодня его яички бились о ягодицы Ябы особенно ощутимо. Ча И Сок выскользнул из Ябы но тут же насадил его обратно, вжавшись в бедра. Яба почувствовал как горячий кол шевелит внутренности Ябы. Казалось что, от сильного трения вся слизистая оболочка окажется снаружи вместе с членом.

- Ах, бля!.. – выругался Ча И Сок, вгоняя себя резко и глубоко.

Он отпустил контроль и отдался на милость стихии, бьющей изнутри.

- М-м-х.. - не сдержался Яба, но проклятье Сирены не прощало даже слабого стога. Боль царапала гортань, уходя вглубь и проворачиваясь словно металлическая щётка.

Ча И Сок остановился, заметив как Яба сжимается: брови сведены, взгляд мрачен.

- Чёрт... Ты... Невыносимо хорош...

Развратные комментарии смешалась с прерывистым дыханием. Ча И Сок отстранился, затем плавно вошёл снова. В этом состоянии любое прикосновение или движение могло спровоцировать оргазм. После этого сознание стремительно отпускало его. Он наклонился, захватив нижнюю губу Ябы между зубами, растирая её. Яба ответил, обведя языком его губы с нежностью музыканта, перебирающего струны. Член, стиснутый в тугом мышечном кольце, снова налился кровью. С глухим стоном Ча И Сока возобновил мелкие, поверхностные толчки.

- Всё, сдаюсь...

Он резко перевернул Ябу спиной к себе и поставил на четвереньки. Крепко обхватил его за талию, заставив высоко поднять ягодицы. Горячий член медленно вошёл внутрь. Раздвигая сжатые стенки, он достиг той самой невыносимой глубины. Острые клыки впились в шею Ябы, и голос Ча И Сока прозвучал низко и властно:

- Я останусь внутри. Двигайся сам.

* * *

Когда Ча И Сок появился в переговорной, директора, сидящие за П-образным столом зашептались. Некоторые приветствовали его еле заметными кивками. Ча И Сок понимал, что нужно держать руку на пульсе и не отлучаться на долгое время. Да и старик мог обидеться. Когда председатель созвал директоров на внеочередное собрание, Ча И Сок решил заглянуть, хотя его участие требовалось скорее для проформы.

Прежде, эти руководители дрожали под нападками гонконгских инвесторов, зато теперь, когда ход событий изменился в их пользу, они расправили плечи и задрали носы.

Глаза Ча И Сока встретились с холодным взглядом отца. Тот, дёрнув подбородком, задал немой вопрос: «Ну ты как? Живой?».

Его сын усмехнулся в ответ: «Разочарован?» Всё по протоколу невербальных переговоров.

На повестке было предложение председателя Ча, начать публичный выкуп акций «Тэ Рён», что означало бросить вызов гонконгцам в лицо. Это радикальное предложение раскололо участников совета на два лагеря. В разгар напряжения самый несдежанный из директоров вскочил с места:

- О, прекрасно! Вбухали всё в тайваньский завод полупроводников, теперь будем закладывать банкам последние штаны, чтобы выручить средства. Вспомните Мидопа, сейчас всё слишком серьёзно.

- А до этого мы по-вашему в песочнице игрались? - резко оборвал его председатель Ча.

В помещении поднялся шум. И Сок, развалившись в кожаном кресле, рассеянно крутил в руке телефон. Рядом с председателем сидел Ча Мён Хван. Он поглядывал на дверь и напоминал ученика перед самым звонком: вот-вот перемахнёт через стол в направлении выхода. Его щёки пылали румянцем - ни намёка на недавнюю болезнь и изнурительную химиотерапию. Но узнай он, кому обязан своим выздоровлением... последствия были бы непредсказуемыми.

Участники собрания разошлись, так и не придя к согласию. После этого председатель тут же вызвал Мён Хвана к себе. Позади старика вечно крутились директор Хан и председатель Лим, которые то и дело бросали в сторону Ча И Сока осторожные взгляды. Он нащупал их слабые места, но это означает, что и они знали о его истинных намерениях. В этой игре все держали друг друга за яйца.

Оставалось около десяти дней до собрания акционеров. Вот тогда всё и решится. Достанься ему «Тэ Рён», прожила бы ровно столько, сколько нужно, чтобы распродать всё ценное, а остальное выбросить. Он заставил бы старого льва наблюдать за тем, что уже не остановить. Однако дела вернулись к исходной точке и теперь он, находясь в оборонительной позиции, вынуждён латать свои дыры на ходу. И вместо усталости - адреналин колотил в висках.

Конференц-зал опустел. Директор Ча остался лицом к лицу с призраком мегаполиса за стеклом. Прикуривая сигарету, он стиснул зубы.

- Здесь нельзя курить.

Хан Сон Джэ вошёл и прикрыл за собой дверь.

- Вчера я передал материалы прокурору. Мой отец явно переметнулся на сторону твоего отца. Председателю Лиму я показал снафф-ролик с его же участием, где он насилует малолетку. Стоит только отправить журналистам, как это сразу полетит на личную почту к председателю Ча. Я пригрозил показать семье, но Лиму насрать. Может, у твоего отца против него есть что похуже?

- Не все каналы у него в кармане. Где-нибудь всё равно есть брешь. Вот и найди её, ты же мастер.

- Брат Джун Хёна - журналист в региональной газете. - задумался Сон Джэ. - Такой любопытный, он не захочет остаться в стороне, когда намечается громкий скандал.

- Забудь про унылые финансовые махинации. Полезай сразу в грязное бельё семьи Ча - вот где можно пожить. Только представь: Миллиардер, господин N упрятал обеих дочерей в психушку. А одна из них умерла голой рядом с его домом.

- И покойную сестру не пожалеешь? Что ты за человек.

Но, говоря это, Хан Сон Джэ уже набирал номер. Чем больше шума и свинства, тем ярче засверкают доспехи апостола справедливости.

Двери конференц-зала с грохотом распахнулись и внутрь ввалился Ча Мён Хван.

- Президент Ча. - Сон Джэ поприветствовал Ча Мёна Хвана и вышел.

Ча И Сок развел руки.

- Брат, как ты?

- Кончай дурака валять! Куда ты дел жулика? Мне надо с ним поговорить, спрашиваю по-хорошему, где он?

- Поговорить? О чём?

- Ты знал, что он целитель! Те люди, погибшие в трущобах, - чья это работа?

Ча И Сок не смог, да и не захотел бороться с накатившим приступом агрессии и, схватив Мёна Хвана за голову, ударил о стену. Тот вскрикнул от столкновения.

- Кошка не помнит об этом. И не должна. - прошипел Ча И Сок.

- Не помнит? У него амнезия?

- Диссоциативная амнезия. Не помнит только одно событие.

Ча Мён Хван побагровел, стиснув челюсти до хруста. Он не ожидал от брата такой резкой вспышки гнева. Руки, которыми тот прижимал его голову к стене, дрожали, но не от слабости - в них чувствовалась сила, которую держат под контролем.

- Хорошо... Пусть забудет об этом. Но надо хотя бы вернуть ему голос...

Его лицо сильнее вдавили в стену:

- Ты не понял? Кошке и так хорошо. Без голоса и без памяти.

- Серьёзно? Директор Ча, ты не в себе, под кайфом что ли?

- О да, под кайфом от вчерашней ночи с кошкой. Теперь она отсыпается.

Глаза Мён Хвана налились кровью.

- Ну ты и... сукин сын!

Ча И Сок засунул палец глубоко в рот брата и придавил язык. Ча Мён Хван закашлялся и попытался оттолкнуть его руку. Директор Ча склонил голову набок и презрительно прищурился.

- Треть язык будешь у жены между ног.

С этими словами он оттолкнул брата и направился к выходу. В этот момент дверь открылась, внутрь вошли люди в костюмах и устремились к Мён Хвану.

- Господин Ча Мён Хван?

- А вы кто такие? - рявкнул Ча Мён Хван отряхивая рубашку.

Один из мужчин достал удостоверение.

- Прокурор особого отдела Центральной прокуратуры Сеула. Вас вызывают на допрос по подозрению в мошенничестве на рынке ценных бумаг и уклонению от уплаты налогов.

- Что за чушь?! Какое мошенничество?

Ча И Сок вышел не оборачиваясь. Он сел в машину и потёр ноющее запястье. Под металлическими часами всё ещё чётко бугрились шрамы, оставленные садовником. Его он перевёл в безопасное место. Безопасное для дикой кошки, и для него самого. Хотел разобраться с Кокаином, но пока решил отложить это дело. От сумасшедшего всё равно нет никакого толку.

Он нажал на кнопку быстрого вызова, не отрывая телефона от уха. Директора Ча больше мучили провалы в памяти и головные боли. Однако вместо этого обострился другой симптом: в разлуке с Ябой, он не находил себе места. И даже когда он был рядом, тревога не отпускала.

Гудки прекратились и на другом конце послышалось тихое сопение. Услышав этот звук, Ча И

Сок наконец-то вздохнул свободно, но вместе с тем вернулось давящее чувство в груди. Тот, кто стремился к полноценности своего тела, копался в себе выискивая, что ещё можно предложить человеку, с которым он живёт.

- Я буду через 20 минут. Оденюсь потеплее, на улице холодно.

Раздался слабый стон. Будто звук, который не мог выйти. Он представил, как раскрываются губы, в попытке что-то сказать, и стало так больно. Через некоторое время пришло сообщение. Он всегда узнал бы его по этим коряво написанным словам, по опечаткам.

[Ты уверен, что он прооперирует без паспорта? У него есть опыт?]

- Он светило в этой области. И у тебя есть опекун.

Яба молчал. Через какое-то время пришло сообщение

[Ок, приезжай скорее]

Пусть лучше он останется немым. Каждая песня вытягивает из него жизнь – зачем позволять ему разбрасываться ею. Всех, кто попал под его чары, можно отловить и упрятать вместе с тем садовником. А тех кто слышал его голос хоть однажды, выпотрошить и промыть мозги, чтоб не осталось и следа.

«Раз уж ты настоящий владелец... Тогда, идея вставить в голову микрочип... принадлежит тебе. Понял наконец? Мы повязаны, владелец хренов».

Десять лет назад, в те дни, когда он не мог заснуть без дозы, он ещё помнил бы. Но сейчас в воспоминаниях ни проблеска. Даже слово микрочип не всплывало в памяти. Все документы, которые присылал Кан Ги Ха сгорели в пожаре. Он не видел смысла искать агента. Не имело значения от кого исходила идея, сейчас ничего не исправить. Если верить Кану Ги Ха, то они действительно были сообщниками. Только Яба не должен об этом узнать. Ча И Сок завёл машину и нажал на газ.

Все эти певцы были просто игрушками. Кокаин – самой любимой! Он их и за людей не считал. Так же как и Ябу. Пока не открыл его лицо, не проникся голосом, не увидел тьму, скрытую за тяжёлым взглядом. Но И Сок восполнит каждый год его страданий. Даже если придётся целовать следы его ног.

Яба резво поднялся и положил заранее распечатанные листы рядом с кремовым пальто. Он всё подготовил, оставалось дожидаться Ча И Сока. Сегодня солнце располагалось на небе иначе, оно освещало дорогу к будущему, которое когда-то выбросили в мусорное ведро.

Тошнота накатывала волнами от страха и предвкушения. Временные рамки чётко определены:

прибытие И Сока через 20 минут, 15 минут на дорогу, примерно 3 часа на подготовку и саму операцию. После этого он проснётся мужчиной. Если всё пройдёт как запланировано, то сделают ещё и пересадку лобковых волос.

Ча И Сок назвал это наградой за пережитые трудности. Значит Яба её заслужил. Он принял все таблетки, что у него оставались, но не мог успокоиться. Раньше он принимал по три таблетки в день. Потом Ча И Сока уменьшил дозу до двух. Теперь же принимал только при необходимости. Благодаря стараниям Ча И Сока жучки теперь и усиков не показывают. Его слова всё ещё звучали в голове:

«Опекун».

Он хоть представляет себе, что это такое?! Не должность, которую можно сменить, когда надоело. Не на неделю, и не на месяц. Этот груз тащишь за собой, даже если каждый день становится кошмаром.

Он прижал руку к груди в попытке успокоить ноющее чувство.

Яба полистал учебник, но потом раздражённо отпихнул в сторону. Перед таким значимым событием концентрация совсем пропала. Зловредное создание положило голову на книгу. Яба поднял с пола лазерную ручку и направил её в жёлтый лоб. На миг на морде вспыхнули три красных глаза.

Яба отбросил ручку и стал метаться по комнате, наворачивая круги.

Пушистые тапочки в виде чёрных котят выглядели глупо, особенно их торчащие ушки, которые болтались при каждом шаге. Два дня назад Ча И Сок принёс домой комбинезон с пришитыми кошачьими ушами и хвостом, утверждая, что это «идеальная пижама для счастливого сна». По квартире валялись и другие странные предметы, их назначение оставалось загадкой. В порыве уборки Яба сгрёб их в одну корзину. У него было немного времени и он решил заняться стиркой. Но не смог включить стиральную машину, ведь Ча И Сок всегда занимался домашними делами сам.

На полпути в ванную комнату, где он хотел спрятать корзину, его застал голос из теле новостей:

«Сегодня утром президента «Тэ Рён Групп» Ча Мён Хвана сопровождали в следственный отдел. Ему предъявлены обвинения в манипуляциях на бирже и уклонении от уплаты налогов. Также начато расследование в отношении всей семьи основателя Тэ Рён, её владельцев и дочерних компаний. Ча Мён Хван не дал комментариев и направился в комнату для допросов. Позже станет понятно предстоит ли то же самое Председателю Ча, возглавляющему совет акционеров. Недавно Тэ Рён Групп столкнулась с попыткой недружественного поглощения инвестиционным фондом из Гонконга. С свете последних событий перспективы компании требуют переоценки».

На экране Ча Мён Хван с кислым лицом пытался увернуться от камер. Вчерашний Санта сегодня шарахается как дворняга. Какой стремительный прорыв. Его посадили в кресло по чужой прихоти, и так же пустили в расход. Ча И Сок говорил, что всё только начинается. Он сохранял ледяное самообладание даже когда председатель захлопывал перед ним все двери. Эта недостижимая уверенность вызывала зависть.

На секунду отвлёкся - и этот желтокожая бестия уже сунула нос в сумку, прислонённую к стене. В неё и десятой доли её тела не поместилось бы, и вообще это последнее, что понадобится Ябе в дороге. Он выдернул из под неё сумку. На миг даже подумал, упаковать бы наглое существо в коробку и отправить в джунгли, однако там у Ябы не было знакомых. Ухватив за хвост он поволок питона в свою комнату. Ящик шкафа открылся, явив безупречные стопки белья. Яба осторожно поместил туда сначала голову, затем, петля за петлёй, уложил остальное. Существо недовольно извивалось, но вскоре уткнулось мордой в складки сложенных трусов. Убедившись, что тот угомонился, Яба задвинул ящик.

До прихода Ча И Сока оставалось десять минут. Яба включил музыку на полную громкость. Набрал воды в ванну, побросал туда белье и насыпал сверху порошка. Он закатал штаны и забрался в ванну. В большом окне виднелись фасады зданий, серые будто от несварения. Из-за стекла можно рассмаривать кого-угодно и никто не догадается. Яба потоптал бельё, потом просунул руку в штаны и сжал мошонку. Эта пустота была осязаемой. Настало время с ней прощаться.

Хор «Либера» заполнил квартиру. Чистые голоса, не тронутые ломкой, вливались в его тело. Вернись Яба в тот роковой день, он сделал то же самое - отдал бы свой голос. Тем не менее... порой его накрывал острый приступ желания петь. Если бы не это обстоятельство, Яба был бы в полном порядке. Рефлекторно его губы раскрылись и легкие напряглись в попытке издать звук. Но в следующий миг сжались от боли.

- М-м-м-м...

Яба замедлил дыхание. В памяти всплыл тот день, когда он познакомился с Кокаином. Почему именно этот момент возник в голове, Яба не понимал. Если бы десять лет назад он не побежал за Кокаином, не попросил спеть, чтобы услышать его голос, жалел бы об этом?

И он сам и Кокаин были ящерицами с оторванными гениталиями и вскрытым брюхом. Не в силах противостоять большей силе, они терзали то, что было слабее. Иначе ни один из них не смог бы выжить. Возможно, Кокаин стал для Ябы не тем, кто душил его, а тем, благодаря кому он мог дышать.

Побывав на грани смерти и возродившись, теперь он воспринимал собственную неполноценность как глупую неудачу. Многолетняя борьба с дефектом сделала своё дело, теперь он ощущал себя не мыслителем, а подобием мученика.

Он кое-как прополоскал бельё и свалил его в корзину. Мокрая одежда оказалась невероятно тяжёлой. Яба сделал вдох и резко поднял корзину. Его взгляд упал на зеркало. Яба был не

один. Бледный человек.

- Ых-х...

Яба упал вместе с корзиной. Он долгое время не видел бледного человека и уже расслабился. При переезде они забыли убрать зеркало. Тот, кого Ча И Сок выбросил из окна, пришёл отомстить.

Всё тело онемело и Яба не мог оторвать взгляд от пола. Добежать кухни, где лежали ножи, он не успеет. Яба был совершенно беззащитен, но враг не нападал.

Неужели ушёл? Яба взял себя в руки и бросил осторожный взгляд в сторону зеркала. Бледный человек оставался на месте.

Яба посмотрел на дверь. Начал приподниматься на коленях, собираясь бежать. И тут человек тоже зашевелился. Он выпрямился вслед за ним. Яба вздрогнул и отпрянул - тот отступил. Не осознавая, Яба снова уставился в зеркало. На лице незнакомца читался страх.

«Он напуган? Почему?»

- А?.. - не сдержал удивления Яба.

Он сжал край рубашки и снова посмотрел на человека. Тот был одет так же, как и Яба. На шее виднелся шрам от ожога, такой же формы и том же самом месте только с противоположной стороны. Яба только и смог, что озадаченно моргать. Он поднял руку и ущипнул себя за щёку. Человек насмешливо повторил его движение.

Голова пошла кругом. Встречный взгляд будто гипнотизировал, Яба впервые не отводил глаза и не бросился бежать. Яба сжал волосы. Незнакомец повторил за ним. Яба снова посмотрел ему в лицо. Тот ждал.

В ванной слышалось только дыхание Ябы. Медленно он протянул руку. Противник протянул свою в ответ. Он был левшой. Две дрожащие руки почти соприкоснулись... и вдруг отпрянули. Отражение в зеркале застыло в ужасе. Теперь Яба видел не расплывчатый силуэт, как раньше, и не взгляд полный ненависти. Он опустил руку и долго смотрел на человека.

Собственный голос вызывал в нём отвращение. Ненавидел это тело, которое не было ни детским, ни взрослым. Он никогда не любил себя, а только завистливо смотрел на то, что имели другие. Казалось, только ярость и презрение держат его на ногах.

Однажды, когда он бродил по улицам в пять утра вместе с Ча И Соком, вдруг понял, что тишина вовсе не означает угрозу. Впервые следы пьяной ночи выглядели почти человеческими. Этот путь был долгим и трудным.

Неизвестно, как чешуйчатый негодяй выбрался, но он незаметно подполз и обвился вокруг руки. Он положил голову Ябе на плечо и заворуженно уставился на него красными глазами. Он чувствовал холод змеиной кожи, щекотание двойного языка, и всё же не отстранился. Теперь, он наконец сможет терпеть этот мерзкий мир.

Свет накрыл город и сквозь стекло ворвался в комнату. Он разогнал тени, оставляя после себя лишь тепло и сияние. Золотая пыль, такая плотная, что её можно было ощутить кожей – слонечное тепло. Оно разливалось по телу, заполнив до самого горла.

Он больше не сбежит и не будет прятаться. Этот великолепный свет больше не казался ему врагом. Он смывал пятна прошлого, белым пламенем выжигал страхи и мерзость собственной неполноценности. Как в святом обряде, Яба замер, не шевелясь и не дыша. И когда золотая пыльца закружилась в воздухе, он приоткрыл рот и языком поймал крупинку света, будто причастившись к чему-то вечному.

<http://bllate.org/book/14585/1293839>